

Сергей Тамбовский

Первым делом

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Тамбовский

Первым делом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70413706

SelfPub; 2024

Аннотация

Из 1986 года (перестройка – сухой закон – борьба с привилегиями) прямым в 1939, из пионерского лагеря в исправительно-трудовой, таков нелёгкий путь нашего героя.

Сергей Тамбовский

Первым делом

Глава 1

Общага

Мы в этом июне 1986 года собрались и поехали ремонтировать одну халупу в колхозе на севере нашей области. Мы, это четверо друзей-одноклассников, Андрей, Виталик, Саня и я, Вениамин или попросту Веня. Обычно одноклассники разбегаются по окончании школы и встречаются в лучшем случае раз в десять лет на юбилеях выпуска, но у нас вот так сложилось, что дружба наша только выросла и окрепла за прошедшее время. И на отдых мы вместе выезжали, не всегда, но раз в два года точно, а ещё и деньги совместно зарабатывали время от времени.

Сейчас вот подвернулась халтурка в Варнаковском районе нашей области, у Виталика с местным председателем колхоза какие-то пересечения образовались, вот он и предложил, а председатель (здоровенный коренной варнак с окладистой бородой и тяжёлым характером) по фамилии Бугров согласился. Мы, короче говоря, по этому договору за пару недель ремонтируем двухэтажную общагу, предназначенную для заселения очередного заезда городских помощ-

ников многострадальному сельскому хозяйству средней полосы России, а он выплачивает нам по окончании ремонта круглую сумму в 2 (в скобках две) тысячи рублей наליком, по пятихатке на брата. Хочу заметить, что в 86 году две тысячи были ого-го какой суммой, годовая зарплата не самого плохого работника, а пятисотка соответственно зарабатывалась за квартал, так что суммой мы остались удовлетворены, каждый оформил отпуск на службе, как полагалось в те времена, собрались и выехали в Варнаковский район на УАЗике типа «козлик», которым владел Андрюха, самый деловой из нас.

– А кто в курсах, пацаны, – направлял нашу беседу Санёк (самый спортивный и резкий из нас, мастер спорта по бадминтону, реакция у него потрясающая была, в тетрисе он лидировал с диким отрывом от остальных), – как там у них в этом Варнакове с бабами дело обстоит?

Он еще и известный ходок был, женщины у него не переводились, причём были они все, как на подбор, и менялись очень часто.

– Ну есть, конечно, – ответил ему Виталик (тоже шустрик в отношении женского пола, но если честно, до Санька ему было, как от Москвы до Парижа), как самый продвинутый в варнаковских реалиях, – но, боюсь, тебе они не понравятся.

– Это почему? – решил уточнить Саня.

– Деревня же, тут своя специфика... опять же нижнее бельё оставляет желать лучшего.

– А что у них с нижнем бельём? – встрял в разговор Андрей (тоже спортсмен, но уже не в бадминтоне, а в боксе, высокий и малоразговорчивый парень), выруливавший в это время с основной трассы Горький-Киров на локальную, ведущую в глухие раскольничьи ипены на северо-западе области.

– Да в мужских трусах они все ходят, – нарисовал горькую картину Виталья, – кто в черных, кто в синих... сколько раз задерёшь подол, столько раз и обблюешься...

– Мда... – подытожил этот печальный диалог я, – умеешь же ты обламывать мечты... женщина в мужских сатиновых трусах это страшное дело, – и перевёл разговор на более приятные темы, – а с бухлом как там в твоём Варнакове?

– А то ты не знаешь политики партии, – отозвался Виталий, – сейчас же у нас что объявлено? Правильно, усиление борьбы с пьянством, алкоголизмом и самогоноварением. А это значит что?

– Будем бороться? – предположил Андрей из-за руля.

– Ну и это тоже, конечно, – смешался на секунду Виталий, – но в основном будем действовать по обстановке и обходиться подручными средствами. В магазинах там сейчас хер чего спиртного купишь, даже пива нет.

– Ясно, – ответил за всех я, – но хотя бы кормить-то нас обещали или это тоже надо подручными средствами обеспечивать?

– Председатель сказал, что нам будут выделять на день по

килограмму мяса на всех, свежего, только что забитого, ну и овощей, сколько унесём. Крупу и хлеб в магазине придётся покупать, с этим пока перебоев нет.

– А ты готовить-то умеешь? – спросил Санёк разговорчивого Виталия. – Сырое мясо как-то не хочется грызть.

– Я умею, – подал голос я с заднего сиденья, – научился в детстве. И книжку с собой на всякий случай прихватил.

– Какую?

– Вот, – и я вытащил из рюкзака потрепанный том под названием «Кулинария».

Виталик взял её, задумчиво полистал, вслух прочитал выходные данные «Госторгиздат 1938 год» и объявил в пространство:

– Годится, ты теперь назначаешься дежурным по кухне. Вечным дежурным!

– Нене, мы так не договаривались, – быстро отыграл назад я, – запустить процесс я могу, пару дней кухарить, это пожалуйста, а потом передам опыт следующему. Если желающих не найдётся, жребий бросим.

Общим голосованием утвердили такой порядок дежурства.

– Виталик, ты бы хоть рассказал, что нам там сделать-то надо? – перевёл разговор в практическую плоскость Саня. – Какие объёмы работ-то?

– Так я же рассказывал, – обиделся тот.

– Мне нет, так что повтори, если не в лом.

– Ладно, повторяю, – согласился Виталя, – нам надо отремонтировать двухэтажное деревянное строение типа «общага». Не капитально, так – косметически. Заменить обои во всех помещениях, их там четыре штуки, покрасить потолок и стены, заменить разбитые стёкла и поправить дырявую крышу. Крыльцо ещё перекошилось, это тоже наша забота.

– Ну инструменты-то мы с собой взяли, а материалы где брать? – спросил я, – обои те же, краску, гвозди...

– Председатель обещал выдать со склада, покупать не придётся.

– Тогда ладно... – буркнул из-за руля Андрей, – а мы, кажется уже и приехали.

Справа от запылённой дороги стоял указатель «Б.Ляды», а дальше дорога раздваивалась.

– Оригинальное название, – первым нашёлся Саня, – зуб даю, что точку после буквы Б тут регулярно стирают местные хохмачи.

– Посмотрим, – ответил ему Андрей, – когда поживём тут. Пока-то не стёрли. Нам направо, правильно, Виталя?

– Да, крути баранку вон к той рощице, – сказал Виталик, – за ней должен стоять наш сарай... эээ... общага то есть.

Андрей лихо свернул с трассы и через полсотни метров, объехав по пути пару колдобин и телеграфных столбов, уткнулся носом в земляную площадку, которую окружали это самое двухэтажное общежитие, строение типа «летняя столовка», ряд умывальников под навесом и сортир типа

«очко», отдельно для мальчиков, отдельно для девочек. По периметру росли какие-то деревья, а в одном месте этот ряд разрывался, и там обнаруживалась довольно большая поляна с футбольными воротами.

– А мне здесь нравится, – сказал Санёк, выпрыгнув из машины и прогулявшись по месту будущей работы. – Ещё бы парочку женщин и бутылочку водочки, так совсем замечательно было бы.

– С женщинами ты сам решаешь вопросы, – подал голос Виталик, – а бухло у нас своё есть, на пару дней хватит.

– И что это за бухло?

– Спирт-ректификат, как слеза младенца, – это я уже вклинился в тему, – в нашем институте его, как грязи, для протирки оптических осей выписываем. Не волнуйся, не 90 градусов, разведён и настоян на лимонных корках, всё чин чинарём.

– А я бы и чистого выпил, – похвастался Андрей, – лучше всасывается.

– Не советую, – возразил ему я, – эффект непредсказуемый, я пробовал в командировках... повторять не хочется. Однако нам бы с председателем пересечься не мешало бы, – это я Виталику адресовал. – Тут ведь заперто наверно, ключи надо бы взять, да и с материалами определиться... и с мясом-овощами тоже.

– Он должен сюда подъехать, – посмотрел на часы Виталий, – мы на пятнадцать-ноль-ноль договаривались, а сейчас

без десяти.

– А может, навстречу ему поедем? – предложил я, – председатели народ занятой, запросто могут и забыть, о чём договаривались.

– Можно и съездить, – задумался Виталик, – правление тут в соседней деревне, Макарьево называется, километра три-четыре всего.

– Ну тогда мы с Саней остаёмся здесь на хозяйстве, а вы с Андреем дуйте в это Макарьево. Почему оно, кстати, так называется?

– Макарий это христианский мученик, – гордо объявил Виталий, – казнённый римским императором Диоклетианом. Скормили его, вроде бы, львам в Колизее.

– А при чём тут к Колизею наша Среднерусская равнина? – спросил Андрей.

– А вот это тайна, покрытая мраком... ну святой, ну канонизированный, ткнули наверно пальцем в святое писание и выпал Макарий... ну мы поехали.

И они быстренько вырулили на трассу и повернули направо, в поля, засеянные кукурузой (да-да, не смейтесь, от времён Никиты Сергеича уже четверть века почти прошла, а царица полей никуда не делась – початки вызревали тут, конечно, так себе, но на силос вполне годилось). А мы с Саней пошли осматривать новые владения. На задворках нашего имения обнаружилась даже почти что новая баня, явно не старше трёх лет.

– Во, и попаримся заодно, – сказал я, открывая дверь. – Надо ж, не заперто, заходи и мойся.

– Я слышал, – перевёл разговор на другую тему Саша, – что тут зона какая-то рядом есть.

– А как же, Сухобезводненская колония она, по-моему, называется, осколок исчезнувшей империи Гулага. Это чуть левее взять от трассы, по которой мы от Чёрных Баков ехали, там будет узкоколейка прямо до зоны.

– А ты откуда это знаешь? – подозрительно прищурился Саша.

– Так родственник один тут срок тянул в сороковые годы, он и рассказал под бутылочку водочки как-то раз, – ответил ему я.

– Ясно, – ответил мне Саня, и мы вернулись к общаге.

А тут и наши напарники вернулись вместе с председателем Бугровым, суровым мужчиной возрастом под полтинник.

– Очень хорошо, что приехали, – сказал председатель, вылезая с заднего сиденья козлика. – Вот вам ключи от общаги, можете жить тут на любом этаже, как понравится.

– А что с хавчиком? – сразу задал главный вопрос Саня.

– Мясо и овощи получите завтра в Макарьеве, я распоряджусь – не доезжая до таблички метров пятьдесят, сворачиваете направо, там скотный двор, спросите Палыча. А овощи это в хранилище, Палыч скажет, куда ехать.

– А обои с краской? – поинтересовался я.

– Это вам чуть дальше надо будет проехать, в Чебаниху, там химсклад на въезде, скажете, что я распорядился, вам всё и отгрузят.

– А магазины у вас тут есть? – это Андрей справился.

– А то как же, – усмехнулся Бугров, – и в Лядах, и в Макарёве, и в Чебанихе по одному имеется. Только если вы насчёт спиртного, то его раз в неделю завозят и разбирают за полчаса, с боем. Так что не советую соваться.

– Ладно, будем обходиться подручными средствами, – уныло ответил Андрей.

А председатель отчалил, напоследок сообщив, что звать его Степаном Егорычем. Виталик открыл общагу, зашли внутрь – там оказалось четыре большие комнаты, по две на этаже, уставленные металлическими кроватями.

– Ну так... – сказал тут Андрей, – фронт работ в общем и целом ясен... за две недели должны управиться.

– А и за полторы уложимся, – предположил я, – предлагаю начать ремонт с первого этажа, а жить пока будем на втором. Потом поменяемся.

– Правильно, – буркнул Андрей, – а сейчас пошли на речку, пока солнце не зашло.

Все дружно согласились, перетащили вещи на второй этаж, заперли снаружи общагу и козлика и через чахлую рощицу берёз и клёнов вышли на просёлок, ведущий к Ветлуге.

Пионерский лагерь

– Сейчас слева ещё одна деревенька нарисуеться, – говорил осведомлённый в местной географии Виталий, – а справа на холме будет пионерский лагерь, от нашей конторы. У них там телевизор есть, можно будет футбол посмотреть.

– Точно, – вспомнил я, – чемпионат мира же идёт, наши с Бельгией завтра играют...

– Сегодня, – уточнил Саша, – но покажут его завтра, разница во времени с Мексикой восемь часов.

– В кои-то веки у нас нормальная сборная образовалась, – поддержал разговор Андрей, – одни только Белановы и Заваровы чего стоят.

– А мне кажется, сольют наши той же Бельгии, – внес я критическую струю в футбольную беседу.

– Это почему же?

– Зазнались наши парни, берега потеряли совсем, хотя поводов-то немного – ну хилую Венгрию разгромили, ну с французами ничейку скатали, а у никакой Канады с очень большим трудом выиграли. А бельгийцы, они маленькие и злые, как эти... как бульдоги некормленные. Вот увидите, тяжело нашим придётся.

– Посмотрим, – буркнул Виталий, а потом показал пальцем направо, – вон он, пионерлагерь.

– А где пионеры? – спросил я, – раз лагерь пионерский, значит там и пионеры должны бегать, а тут что-то тишина.

– Первая смена у них то ли завтра, то ли послезавтра на-

чинается, а пока пионеров, извиняй, нема, – ответил Виталья, – только обслуживающий персонал завезли.

– О, – оживился ходок Саня, – там же пионервожатые должны быть, верно? Познакомь хоть с одной.

– Да хоть с двумя, – отозвался Виталий, – тут их штук пять по штатному расписанию должно быть, а с одной я даже лично знаком по городу.

Зашли в калитку, ни одной души при этом нам не встретилось.

– Ну давайте в столовку что ли зайдём, – предложил Виталий, – там по-любому кто-нибудь живой объявится.

В столовой объявилась только повариха необъятных размеров с грудью шестого размера.

– Чё надо? – хмуро спросила она у нашей команды.

– Мы соседи ваши, – взял на себя инициативу Виталий, – в Лядах будем общагу ремонтировать следующие две недели. Зашли познакомится, так сказать...

– Ну здорово, – всё так же невежливо продолжила повариха, – меня Степанидой зовут. Если пожрать чего хотите, так не дам, у нас всё по нормам.

– Пожрать у нас и у самих найдётся, мы просто представиться зашли, – поднял перчатку я, – а где у вас тут персонал лагеря-то?

– В клуб зайдите, там директор должен быть с пионервожатыми, – махнула она рукой по направлению к лесу.

Продолжать беседу с невежливой работницей кухни мы

не стали, а сразу метнулись к клубу, длинному такому деревянному строению типа «сарай», вход там один был. Внутри тут тоже было пусто и пыльно.

– Я думаю, нам сюда, – сказал Виталий, указывая направо, там была дверь с надписью «директор».

Постучались, дождались невнятного звука с той стороны и вошли. Там за столом сидела женщина очень бальзаковского возраста, но со следами былой красоты на лице, а вот слева и справа от неё имели место таки две вполне сформировавшиеся девицы в пионерских галстуках. Санёк сразу ожил и начал беседу так:

– Добрый день, мы ваши соседи, приехали в Ляды на сельхозработы, сейчас вот идём на речку и никак не могли пройти мимо вашего учреждения, чтобы не зафиксировать, так сказать, своего уважения. Меня Александр зовут, а это Андрей, Виталик и Веничка.

Директорша повела монументальной головой влево-вправо, фиксируя наши физиономии, а потом расплылась в улыбке:

– Авдотья Михайловна я, а это Лена и Оля, пионервожатые.

– Очень-очень приятно, – встрял я, – если какие-то проблемы по хозяйству будут, обращайтесь, мы мастера на все руки. И ещё мы футбол хотели у вас тут посмотреть, завтра же наша сборная играет...

– Пожалуйста, – просто ответила Авдотья, – телевизор у

нас в актовом зале стоит, в углу. А сейчас у нас тут дела... – наметнула она под занавес беседы.

– Понимаем, – первым нашёлся Саша, – не будем мешать, а вы заходите, если что, – и он подмигнул сидевшей ближе к нему Леночке.

И мы продолжили свой путь к речке.

– А Лена очень даже ничего, – весело сказал Саша, когда мы миновали пионерский забор, – я бы с ней замутил. Мне рыжие очень нравятся. А твоей знакомой среди этих двух не было?

– Не, мою знакомую Таней зовут, наверно она попозже придет. Оля, кстати, тоже на уровне, – продолжил Виталий, – чёрненькие, они в постели поживее будут.

– Да и Авдотья, если вдуматься, тоже сойдёт в нашей сельской местности, – пошутил я, ребята заржали на разные голоса.

– Вот когда они придут в гости, тогда и будем их делить, а пока говорить не о чем, – это Андрей подвёл итог обсуждению девочек, – пока давайте поплаваем.

Мы уже миновали длинную заболоченную старицу и вышли на бережок великой русской реки Ветлуги. Тут даже небольшой обрыв был, не такой, как на Волге, но метра три набиралось. Никого, кроме нас, на всём пространстве, куда мог видеть глаз, не наблюдалось, одни мы были на этом пустынном берегу. Если уток не считать, которые плавали неподалёку. Мы без лишних слов разделись и занырнули –

вода освежала, хотя жара стояла уже неделю, не меньше.

– На месте этого пионерского лагеря, – сказал вдруг Виталий, когда мы наплавались и обсыхали на травке, – раньше, как говорят, другой лагерь был.

– Комсомольский? – спросил я.

– Не, исправительно-трудовой, ИТЛ сокращённо.

– И когда это было?

– Лет 30-40 назад... вон там вышки были, по углам, на них охранники сидели с автоматами, а между вышками колючая проволока была натянута. В два ряда, между рядами запретная зона, запретка то есть, её с собаками патрулировали.

– А ты-то откуда это знаешь? – спросил я.

– Дед рассказывал... он тут охранником вроде служил...

– Ну надо же, – отозвался я, – а мой дед... ну не совсем дед, а брат деда тут сидел сразу после войны. По разные стороны, короче говоря, колючей проволоки наши родственники тут обитали.

– То есть это при Сталине ещё было? – спросил Андрей.

– И при Хрущёве тоже, но недолго, – уточнил Виталий.

– И сколько народу тут сидело?

– Конкретно в этом лагере около тысячи, а так-то в округе их ещё много было, там счёт на десятки тысяч шёл.

– А за что они сидели? – задал довольно глупый вопрос Андрей.

– За то, за что и сейчас сидят, УК РСФСР можешь почитать, если забыл. А ещё плюсом к нему 58 статья такая бы-

ла, её отменили при Хрущёве. За контрреволюционную деятельность.

– А, вспомнил, – произнёс Андрей, – в журнале каком-то читал – Ежов-Берия-Каганович и примкнувшие к ним лица. А чего они делали в этом лагере?

– Лес валили, его тут вокруг очень много было, а сейчас сами видите – одни поля остались.

– В общем, времена были жуткие, – попытался я разрядить обстановку, – настроения гнусные и атмосфера мерзопакостная.

– Но рыба в Каме была, – подхватил Саша. – Кстати, как в Ветлуге с рыбой дела обстоят?

– Водится, – лаконично отвечал Виталий, – караси, щуки, плотва. Даже судаков можно выловить.

– Вот и славно, – обрадовался я, – завтра поутру попробую что-нибудь поймать. Я удочку захватил. На что тут ловят, не знаешь?

– Червей накопай, не ошибёшься.

– А ещё что тут примечательного есть в вашем Варнакове? – спросил я Виталия чисто, чтобы поддержать разговор.

– Ещё старообрядцы тут имеются, – ответил он, – они же раскольники, в скитах живут.

– Что, они до сих пор живые? – удивился я, – после 70 лет советской власти?

– А вот прикинь... на левом берегу Ветлуги у них скиты. Они там полностью на автономе, в Варнаково-Макарье-

во выбираются в лучшем случае пару раз в год. Соль чтобы купить, спички, патроны разные. Ну ещё может чего по мелочи.

– А бабы у них там есть? – перевел стрелки на более близкий предмет Саня.

– Есть конечно, как же без баб-то, – ответил Виталий, – но только я бы тебе не советовал с ними связываться.

– Это почему же?

– Они ещё более стрёмные, чем варнаковские... и к тому же за ними братья и отцы бдят, чуть что, так ведь и жениться заставят.

Санёк сильно задумался, но больше ничего спрашивать не стал. На этом разговор о политике и варнаковских достопримечательностях сам собой заглох, мы окунулись в речку ещё разок и засобирались домой, в почти родную уже общагу. По дороге Виталик забежал ещё раз в пионерлагерь и по-быстрому договорился с вожатыми на предмет совместного ужина. А вот на нашей базе нас ждал не очень приятный сюрприз – замок из двери был выдеран с корнем и висел на одной петле.

– Аборигены что ли пожаловали? – в сердцах сказал Андрей, изучая взлом. – Надо машину проверить, не добрались ли они и до неё.

Но с машиной всё оказалось в порядке, чего нельзя было сказать про наши вещи... главным молодцом оказался я – предчувствуя что-то такое, обе бутылки с разведённым спир-

том вынул из рюкзака и спрятал в укромном месте. Они и уцелели, а так непрошеные гости забрали половину наших продуктов и прихватили несколько инструментов.

– Вот суки, – громко высказался Саша, – надо с этими воругами разобраться, а то ведь так и будут лазить до конца нашего дежурства здесь.

– Я этим займусь, – предложил Андрей, – у меня как-никак первый разряд по боксу. С тобой, Виталик, вместе съездим в деревню. А вы пока тут стол накрывайте, надо ж отметить приезд, – сказал он мне и Саше.

И они вдвоём быстро вырулили на просёлок, уходящий в Макарьево, а я начал инвентаризацию того, что осталось. Даже больше половины имевшегося нашлось, так что настроение у меня резко повысилось.

Глава 2

Ужин

– Знаешь, о чём я сейчас думаю? – неожиданно задал вопрос Саша.

– Точно не скажу, конечно, – ответил я, – но наверно всё-таки о бабах.

– Угадал, – смешался тот, – но не совсем в том смысле, что ты подумал, я насчёт бухла...

– Так вот оно, всё целое, – потряс я обеими бутылками с

прозрачной жидкостью.

– Не будут ведь они такое крепкое пойло, ну если придут, конечно...

– Точно, – хлопнул я себя по голове, – я про это как-то не подумал... может кто-то из наших захватил вино какое?

– Это вряд ли – никто из наших вина сроду не пил.

– Тогда давай вот что сделаем, ты сиди здесь, карауль наше имущество, ну и на стол чего-нибудь поставь, а я пока в магаз смотаюсь. Я видел точку, когда мы сюда ехали, это пять минут, не больше.

– Так нет же ничего спиртного там, председатель же сказал, – уныло поведал мне Саня.

– Дорогие вина типа венгерского вермута или чешского ликёра там точно должны лежать – 9-10 рублей за некрепкий напиток тут мало кто способен выложить. Ну или хванчкара какая может залежалась, она тоже дорогая.

И я припустился в обратную сторону по сравнению с той, куда только что наш козлик умчал. Надо было подняться на пригорок, неслабый, надо признаться, пригорочек, все сорок метров в высоту, а потом в низине справа от дороги и находилась цель моего путешествия, одноэтажное кирпичное строение, выкрашенное белой краской, с лаконичным названием «Продмаг». Аборигены в количестве десятка примерно граждан стояли около входа и курили.

– Здорово, мужики, – на всякий случай поприветствовал я их.

– Мужики на зоне лес валят, – ответил мне один из них, самый плюгавенький, прищурившись и длинно сплюнув в сторону, – а мы братва.

– Извиняйте, братва, – сдал я немного назад, – сразу не признал. Есть в магазине чо?

– Ждём, должны привезти, – ответил второй абориген, в грязных резиновых сапогах. – А ты кто такой будешь, пацанчик? Обзовись.

– Звать меня Веня, погонялом пока не обзавёлся, мы из города приехали, общагу в Лядах ремонтировать.

Мне уже надоела эта беседа, поэтому продолжать я не стал, а просто развернулся и зашёл внутрь. Мне повезло, Кечкемет ценой в девять-пятьдесят пылился на самой верхней полке в углу.

– Здравствуйте, – сказал я скучающей продавщице, – а можно мне вон тут бутылочку... да-да, слева на верхней полке.

Продавщица, крепкая деревенская бабища с нахальными глазами без слов сняла эту бутылку, вытерла её от пыли передником и протянула мне.

– С тебя 9-50.

Я протянул ей червонец, она отсчитала сдачу, сопроводив её таким образом:

– Ну надо ж, два года она там стояла никому не нужная, я уж думала списывать придётся... ты кто такой-то, парень?

– Общежитие тут буду ремонтировать у вас, – ответил я

и смылся, вступать в беседу с такими необъятными сельчанками себе дороже.

Скучающие аборигены у входа оценивающими взорами просканировали мою покупку (пакет или сумку какую я не догадался взять, так что всё на виду было), потом тот самый плюгавый братан бросил что-то вроде «городские, бля, шикуют бля». С ним я в переговоры вступать не стал, а быстрым шагом вернулся к нашим баранам. А там оказалось, что Андрей с Виталей уже приехали, миссия их завершилась переменными успехами, как сообщили они.

– А переменными это как? – поинтересовался я, – одна типа новость хорошая, а вторая плохая?

– Где-то так, – сказал Виталий, – инструменты мы вернули, а хавчик нет. Но председатель заверил, что это первый и последний раз, он лично проследит. А украденные продукты компенсирует своими, экологически чистыми.

– Ну и славно, – ответил ему я, – а у нас гляди, что ещё появилось.

И я продемонстрировал ему литровину Кечкемета, сверкающую на солнце, как чистый изумруд.

– Про девочек-то никто не подумал, а я подумал.

– Вообще-то это я первый о них вспомнил, – обиженно напомнил о себе Саша.

– Правильно, мы с Сашей о них подумали – поправился я, – и обеспечили горючим на весь вечер.

– Ну молодец... то есть ну молодцы, – поздравил нас Ви-

талий.

– Да я знаю, что молодец, только с вас по два с полтиной, потому что вся эта музыка в червонец мне встала, – несколько приукрасил действительность я.

Парни молча залезли в бумажники и отстегнули требуемое, у Виталика только денег не обнаружилось, сказал, что в городе отдаст.

– Стол-то готов? – спросил Андрей.

– Всё, что мог, я сделал, смотрите, – скромно ответил Саша, – можно бы было ещё чего-то горячего сварганить, если у нас хотя бы час был.

– Час наверно у нас есть, – посмотрел на часы Андрей, – вряд ли они раньше заявятся. Давай варгань, а мы пока цветочки что ли нарвём для украшения.

Саша вопросительно посмотрел на меня.

– Ага, – пригвоздил я его к позорному столбу, – значит, как с дурными инициативами вылезать, это ты впереди. А как в жизнь их проводить, эти инициативы, это уже пусть другие корячатся... ладно, помогу, где там моя любимая книжка?

И я достал из рюкзака антикварное издание Госторгиздата 1938 года, обойдённое вниманием грабителей.

– Холодные закуски, супы и десерты пропускаем, – пробормотал я, перелистывая жёлтые страницы, – а во вторые блюда вникаем. Вот... гороховая каша с мясом. Горох у нас есть, банка свиной тушёнки тоже, даже две, так что делаем

кашу...

—

Час – не час, но за полтора часа мы вместе с Саньком эту кашу соорудили, получилось не сказать, чтобы ух, но совсем и не эх, короче вполне съедобно вышло. А тут и девчонки пожаловали, целых три штуки, к Леночке с Олечкой присоединилась старая виталикова знакомая Танюша, беленькая. Не совсем уж химическая блондинка, но с очень светлым окрасом волос, можно сказать, что русая. Мы их сразу же за стол и усадили, в шахматном порядке – мальчик/девочка/мальчик. Мне в соседи достались Лена и Оля, а Таня напротив оказалась.

Если честно, мне ни одна из этих подруг не приглянулась так, чтобы подпрыгивать в воздух и бить в ладоши, но так-то на вид они все были достаточно привлекательными, а выделялась в лучшую сторону, конечно, виталикова Танечка, всё-таки есть художественный вкус у Виталика, есть. Мне досталось развлекать черненькую Олю. Для разгона выпили за знакомство – венгерский вермут был продегустирован и признан удовлетворительным.

– А вы где работаете? – поинтересовалась русая Таня, она среди них самой разговорчивой оказалась.

– Кто где, – взял я инициативу на себя, – про Виталика ты и так знаешь наверно, я в НИИРТе, Саша на Машзаводе, а Андрей на ГАЗе. А вы где?

– А мы ещё нигде не работаем, потому что учимся, – ве-

село зашебетала Таня в ответ, – все трое в универе нашем.

– На филфаке наверно? – предположил я.

– Точно, как узнал?

– Догадался... филфак это факультет невест, как говорит народная поговорка.

– А факультет женихов тогда где? – задала логичный вопрос Оля.

– Даже не знаю, – задумался я, – какой-нибудь физтех наверно... в политехе в пятом корпусе они сидят, там женщин совсем нет.

Минут через пять разговор коснулся лагеря и того места, где он сейчас стоит.

– А вы знаете, – спросил у девочек Виталий, – что на месте вашего лагеря пятьдесят лет назад было?

– Лес наверно, – предположила Оля.

– Ну лес-то конечно, но только подальше, а вот тютелька в тютельку на месте вашего забора тоже лагерь был, только не пионерский, а зэковский. Тут зона была, как местные старожилы говорят.

– И что в это зоне было? – спросила любопытная Лена.

– Около тысячи зэков...

– А что это за слово-то означает, зэк?

– Сокращение от Заключённый Каналармеец, – пояснил ей Виталю, – когда Беломоро-Балтийский канал строили, так там строителей называли. А кроме зэков тут ещё была охрана с овчарками, ну и плюс услуга, повара там разные с завхо-

зами.

– Это при Сталине что ли? – уточнила Оля.

– Ага, при нём. . . стандартная норма еды на день была 800 грамм хлеба, каша три раза в день и суп в обед. Калорий впритык хватало, чтобы ноги не протянуть. Если норму перевыполняешь, давали усиленный паёк, но это редко кому везло, там такие нормы были, что хрена лысого их выполнишь. А если не выполняешь норму, злостно причём, это значит два и более дня подряд, то паёк урезается вдвое и на ночь в карцер определяют. Летом-то в этом карцере ничего ещё, жить можно, а вот зимой страшное дело, он не отапливался.

– И откуда ты так хорошо это знаешь?– спросила Таня.

– Родственник тут сидел, он и рассказал.

Я уж не стал уточнять, чей родственник что тут делал в этом лагере, а попробовал переключить тему.

– Давайте не будем о грустном, – предложил я, – давайте о весёлом.

– Давайте, – быстро согласилась Оля, – развесели нас, Венничка.

Мы уже давно и прочно на ты были. Ну чего, сам напросился, сказал я себе, теперь весели народ. Анекдоты вспоминались почему-то сплошь еврейские. Рассказал пару-тройку, кажется, понравилось. Потом врубили кассетный магнитофон, его Андрей в машине оставил, поэтому у грабителей до него руки не дотянулись. И с часик танцевали под отече-

ственную и иностранную эстрадную музыку, особенно всем понравились композиции группы «Примус» – «Парнишка я неброский» и «Я играю в теннис, а я в футбол». Заодно и о футболе поговорили... попытались точнее, болельщиц среди девочек не нашлось ни одной штуки.

– А пойдёмте купаться на речку, – вдруг предложил Санёк, – сейчас вода должна быть тёплой.

– Ну мы даже не знаем, – начали жеманничать девочки, – у нас и купальники-то не надеты.

– Так по дороге зайдете в свой лагерь и переоденетесь.

Драка

Но никуда пойти нам было не суждено, потому что произошло непредвиденное – из порядком уже сгустившихся сумерок со стороны дороги выступили четыре тени, оказавшиеся местными аборигенами. Двоих я, кажется, видел у входа в магазин, остальные были совсем незнакомыми.

– Сидите, бя, – задушевно начал разговор самый приклатнённый из них, видимо главный, – пьёте бя, суки городские. Нет, чтоб нас угостить. И девок нам уступите на полчасаика, много их у вас тут.

– Придётся драться, – шепнул я Андрею, – этих словами не проймёшь. Бери на себя старшего, а мы остальных разберём, – мигнул я Сане и Виталику.

– У одного нож в руке, – так же шёпотом ответил мне Са-

ня, – надо что-то тяжёлое против него.

– Вот что, девочки, – громко сказал я, игнорируя слова приклатнённого, – сидите здесь и никуда не дёргайтесь, а мы пойдём порешаем вопросы с местным активом.

– Ты чё? – перешёл на повышенные тона главарь. – Ты кого щас активом обозвал? Да мы щас вас всех пассивом делаем!

– Отойдём в сторонку, – предложил я, – вон там под фонарём удобно будет. А ты бы убрал ножик, – это я адресовал парню с надвинутой на нос фуражкой, так он, видимо, представлял себе знатного авторитета.

– Ну давай отойдём, – сплюнул сквозь редкие передние зубы старший.

Я мимоходом отметил, что зубы у него очень подозрительно разрежены в передней части челюсти – так их выбивают у опущенных на зоне. Но эту тему пока развивать не стал, а попытался выехать на чистый базар.

– Меня Веней зовут, а тебя как? – спросил я у старшего.

– Молоток я, – очередной раз сплюнул старший.

– Так вот, Молоток, чо ты не понятиям наезжаешь?

– А ты кто такой, чтоб про понятия разговаривать?

– Два друга детства отсидели на малолетке, от них и знаю.

Сначала ж надо прояснить, с кем дело имеешь, кто где чалился и каких корешей имеет, а уж затем включать третью передачу.

– Да мне пох, кто ты и твои кореша, здесь мы главные! –

гордо заявил Молоток, – я говорю, вы делаете, вот и весь наш сказ.

– Походу придётся драться, – сказал я сквозь зубы Андрею, – работаем по нашему плану – твой Молоток, мой тот, что с ножиком, остальное по обстановке.

Андрей согласно кивнул и встал в боксёрскую стойку, сзади подтянулись уступом Саня с Виталиком, а я стоял один чуть левее их.

– Ну ты, сука, – громко выкрикнул я старшему, – умеешь предьявы кидать, умей и отвечать.

И кинул камень, подобранный мной по ходу дела, в парнишку с ножиком. Попал прямо в лоб, оттуда потекла кровь, он пошатнулся, зажал рану рукой, и отчётливо видно было, что из игры он выбыл.

– Ты чо творишь, падла? – взревел старшой, – ты зачем камнями кидаешься?

– По понятиям вид единоборства выбирает тот, кого вызвали, – спокойно объяснил я, – мы выбрали камни, какие блять вопросы?

Тут старшой уже окончательно перестал контролировать себя и с диким рёвом кинулся на нашу группу. Его встретил Андрюха двойкой в челюсть и в печень, и оба удара пришились вскользь. Я только успел подумать, что мастера спорта ему рановато дали, как он с разворота пробил ещё раз и на этот раз угодил прямым в нос Молотку. У того обильно потекла кровь и Молоток явно поплыл.

Но долго размышлять на эту тему мне не пришлось, потому что слева налетел один из двух оставшихся непоименованными блатарей. И попытался завалить меня на пол броском в ноги – борец что ли попался... не завалил, я успел отпрыгнуть назад, а в прыжке угодил ногой ему куда-то по черепу, и этот пацан тоже отключился на какое-то время. Виталику с Саней достался последний неповреждённый боец.

– Слышь, ты, – сказал я ему, – терпила – все твои кореша вырубилась, так что если хочешь лечь рядом с ними четвёртым, давай. А не хочешь, так мы тебя отпускаем, забирай эту падаль и вали на все четыре стороны.

И парнишка этот не выдержал, двоих он поддерживал с разных сторон, а главарь сам поковылял, так они и скрылись в темноте.

—

Вся это канитель длилась, как оказалось, не больше двух минут – с нашей стороны рваные раны получили Саня и Андрей

– Наверно пора проводить дам, – сказал я, – прогуляемся до лагеря – есть возражения?

Возражений не последовала, и я галантно предложили дамам руки. Саня прихватил с собой бутылку с остатками спирта, а я Кечкемет, там почти треть осталась.

– Какие вы лихие ребята, – сразу начала восхищаться Лена, когда мы ещё не миновали баню. – За пять минут уделали этих урок!

– На нашем месте, – скромно потупил я очи долу, – так поступил бы каждый... каждый нормальный мужчина, верно, Саня?

– Абсолютно, – моментально откликнулся он.

– Вы наверно единоборствам обучались? – это уже Оля задала вопрос.

– Конечно, – нагло соврал я, – Саня каратэ кёкусинкай, я ушу изучал в формате Тан-лан-цюань, Андрей у нас мастер спорта по боксу, а насчёт Виталика я не в курсе, но куда-то он тоже ходил.

– Ну вы мужчины! – начала восторгаться Таня, – с вами не страшно.

– Само собой, – степенно отвечал Санёк. – Мы такие.

Некоторое время шли молча, огибая высокий холм, а потом Лена вдруг задала неожиданный вопрос:

– А вот насчёт лагерей...

– Да-да, что там насчёт лагерей? – подогнал её мысли я.

– Если бы вот ты, Веня, вдруг перенёлся на 50 лет назад в этот лагерь – ты бы как, сдюжил там за колючей проволокой?

– Сложный вопрос, – попытался собрать мысли я, – я не знаю... для этого надо туда попасть сначала, а там видно будет.

Вопросы у девочек закончились, мы их сдали с рук на руки директрисе лагеря, оставив в качестве бонуса недопитую бутылку вермута, а сами вернулись на свою базу. Тут Виталиу вспомнил одну подробность:

– На дорожку, – сказал он, – этот самый Молоток пообещал, что мы ещё встретимся.

– Ну это явно не сегодня будет, – отвечал Саня, – а сегодня давайте что ли в картишки перекинемся, да и спать пора.

Сели в столовой за стол, сочинили пулечку – Ленинградка, десятерная вистуется, прогрессия в распадах арифметическая ограниченная, первый ход в светлую, за туза из прикупа ничего не пишется, по копейке за вист. По жребию за рамками игры остался Виталий, ему и поручили прибрать остатки ужина, а оставшийся спиртик естественно разлили по стаканам, не пропадать же добру.

И вот сидим мы и режемся в преферанс, и мне постоянно удача подкидывает шикарную карту – ладно бы стандартные шестёрки-семёрки, а то ведь две девятерных подряд сыграл без малейших шансов у соперников. И в качестве венца, так сказать, творения мне приходит абсолютно железный, пуленепробиваемый мизер. Даже и без прикупа... перебивать никто не решился, я посмотрел на прикуп (два короля), сбросил его обратно и мы начали. Но доиграть не успели, потому что Виталик, который сидел в это время на скамеечке и докуривал очередную беломорину, позвал нас взволнованным голосом:

– Ребят, гляньте, что на небе творится!

Отвлеклись от игры и присоединились к Виталику – зрелище и вправду было весьма занимательным, потому что на небе в это время происходил запуск космического корабля.

Ей-богу не вру... такое сложно с чем-либо перепутать. Маленькая блестящая жучка медленно, но уверенно ползла по диагонали из левого нижнего угла в правый верхний, а от неё в обе стороны расходилось что-то вроде волн от лодки на реке. Светящихся волн. Примерно на середине этого пути от жучки отвалилась половина и пошла по баллистической траектории вниз, очевидно первая ступень отделилась. А уже на самом верху и вторая ступень вниз пошла, причём в нашу приблизительно сторону. И всё это в абсолютной тишине, которую разбавлял только стрекот кузнечиков.

– Да уж, красота это страшная сила, – это всё, что я смог подобрать. – Однако пойдёмте пулю доигрывать что ли.

Остальные даже и пары слов связать не смогли, прибывшие величественным зрелищем. Вернулись к столу, но карты оказались смешаны, так что выиграть тот бетонный мизер мне не было суждено, но я даже и не расстроился ни разу... но это ещё не вся история про ракету – примерно через полминуты после нашего возвращения за карточный стол мы услышали громкий звук типа взрыва.

– А ведь это примерно в той стороне, куда ступень ракеты падала, – заметил я, – где-то на берегу реки.

– Айда посмотрим, – азартно сказал Виталий, – никогда не видел упавших ступеней ракет.

– Притормози, – рассудительно ответил ему начитанный Андрей, – что такое гептил, знаешь?

– Нет, – со вздохом признался тот, – расскажи.

– Так вот, это ходовое название несимметричного диметилгидразина, этой хренью у нас заправляют почти всю космическую технику.

– И что в нём такого плохого?

– Сильный канцероген и вообще очень токсичная штука – умереть не умрёшь конечно, но разных болячек можешь нажить очень много. Так что я бы не советовал соваться на место падения, пусть там ребята из химзащиты поработают сначала.

На этом, собственно, этот длинный и насыщенный день для нас завершился, и мы дружно улеглись спать. Я лично отрубился за секунды, несмотря на гептиловые страшилки...

Глава 3

ИТЛ

А утречком раненько я проснулся самым первым, ещё и шести на часах не было, я всегда поднимаюсь в это время, сам не знаю почему. Растолкал Саню, нас же двоих вчера назначили дежурными по кухне. Мы быстро натаскали воды, затопили печку-буржуйку и поставили котёл греться. Я тут же по-быстрому объяснил Сане технологию варки пшённой каши, а сам взял удочку и поспешил на ветлужский берег – надо ж было проверить, что тут за рыба водится, а проверять это лучше всего на утренней зорьке.

По дороге к реке на меня опустился и застыл густой-прегустой туман, ножом его можно было резать и раскладывать. Но просёлок, ведущий на берег, всё же разглядеть было можно без особых усилий, я и топал по нему без задержки. Обогнул старицу, про себя отметил, что она как будто вдвое шире стала, вышел на бережок, да и закинул свою удочку, поплевав на червя на удачу.

Клевать начало сразу и без перерывов, так что за какие-то полчаса я выудил пяток карасей, двух средних размеров щучек и одного, но очень приличного судака. Во прёт, подумал я, складывая улов в пакет, не наврал ведь Виталик. На вес получилось килограмма четыре, если не пять. Хватит на два обеда как минимум. И я собрался в обратный путь, благо туман начал рассеиваться, но тут моё внимание привлёк странный объект, медленно плывущий мимо меня по реке.

Эге, а ведь это утопленник, подумал я, и тут две половины моего сознания начали интенсивный диалог.

– Вали отсюда, Веничка, со страшной скоростью, – взволнованно сказала одна половина, – ничем хорошим для тебя лично и для всей остальной вашей компании не кончится. Быть свидетелем это очень дурное занятие, и при этом не надо забывать, что из свидетеля тебя запросто в обвиняемые могут переквалифицировать.

– А вдруг он живой ещё? – парировала вторая половина, – ты же советский человек, Веня, как ты можешь бросить другого советского человека в беде?

– Да какой нахер живой, он же раздулся, как дирижабль, – возразила первая половина, – ондохлый уже несколько часов.

– И всё равно негоже убегать, как заяц, от непредвиденных ситуаций, – стояла на своём вторая половина, – карма у тебя испортится напрочь от этого. Будешь потом ходить с кривой кармой.

И убедила таки она меня, вторая позитивная половина, я зашел по колено в воду, зацепил это тело за одежду и вытащил его на песчаную косу. Перевали на спину, попробовал найти пульс на шее и на руке, естественно ничего не нашел, а потом решил проверить, что у него в карманах. Сам не знаю, зачем... ну чтобы координаты какие-то определить, вдруг там документы какие лежат или записная книжка. Проверил фуфайку, он был в неё одет, обычную отечественную фуфайку серого цвета, ничего не нашел, и в этот момент сзади раздался голос, низкий и невежливый:

– Ну ты, чмо – медленно встал и задрал руки кверху!

Я медленно, как и было сказано, обернулся, увидел двух странно одетых граждан, один из которых целился в меня из винтовки тоже очень странного вида, а второй просто стоял рядом и делал суровое лицо. Меня полностью убедил винтовка (Мосинка что ли, всплыло в памяти), а не тон гражданина, поэтому я встал и высоко поднял руки над головой.

– Ты кто такой нах? Что здесь делаешь? – задали одновременно два разных вопроса эти двое.

– Веней меня зовут, студент я, общежитие в Лядах ремонтирую, – ответил я сразу на оба вопроса, но, как видно, несколько не рассеял опасений суровых граждан.

– Какое общежитие, бля, какие Ляды? – начал тот, что был без винтовки, – сроду там никаких общаг не было.

А второй продолжил: – А утопленника ты нахера шмонал?

– Я не шмонал его, а проверял, есть ли пульс, товарищ... а как вас зовут-то? – решил установить более тесные контакты я.

– Я отделенный командир НКВД Симонов, – представился он, повергнув меня в глубокую протрацию – какое нахрен может быть НКВД в 1986 году? – Документы есть?

Я очень медленно опустил одну руку и проверил карманы, не было там никаких документов.

– Все бумаги в Лядах остались, – сообщил им я, – можно туда пройти и убедиться.

Про НКВД я пока предпочёл ничего не озвучивать, а то ведь эти ребята и шлёпнуть могут меня прямо на берегу Ветлуги, с них станется. Пораскинул мозгами и тут же вспомнил про вчерашнее падение ступени ракеты, может с ним как-то связаны эти странные вещи.

– А какое сегодня число? – задал я наводящий вопрос сразу обоим бойцам.

– Двадцать второе июня, – без задержки сообщил старший.

– А год какой? – продолжил допытываться я.

– Во даёт студент, – развеселился тот, что с винтовкой, – отмечал что ли чего вчера?

– Да, было дело, – признался я, – перебрал чуток.

– 1939 год, – сообщил мне старший. – Ещё вопросы есть?

– Вопросов нет, есть просьба – опустите винтовку, пожалуйста, – обратился я ко второму, – а то нажмёте случайно на спусковой крючок, и не с кем вам больше будет разговаривать.

– Опусти винтовку, – скомандовал старший младшему, – а ты отойди от трупа на два метра и вытаскивай всё из карманов вон на то бревно.

Я сделал, что было сказано, в карманах у меня кроме зажигалки и штопора, которым мы вчера открывали вермут, ничего и не обнаружилось.

– Удочка ещё моя вон там лежит, – показал я на берег, – и банка с червями. Вот и всё.

– Борисов, проверь, что с утопленником, – приказал Симонов, а сам приблизился к моим вещам, взял в руки каждую, а потом продолжил, – значится так, студент Веня, сейчас мы тебя отконвоируем в наш лагерь, дашь там показания под роспись, а дальше на месте решим, что с тобой делать?

– Да почему конвоировать-то, товарищ отделенный командир, – счёл нужным включить слезу в голосе я, – что я сделал-то такого? Нарушил что-нибудь?

– Ты находился в режимной зоне без разрешения, это раз, – начал перечислять Симонов, – и пытался обшарить

утонувшего гражданина, а это мародёрство, это два. Борисов, что там у тебя?

– Это Пасечник из четвёртого барака, неживой, – сообщил тот, – далеко не убежал.

– Оттащи его подальше от воды, надо будет телегу прислать, а мы идём в лагерь. Удочку можешь взять с собой.

– Может сразу в Ляды? – предложил я, – там и напарники мои подтвердят все мои слова.

– Поговори ещё у меня, сука, – грубо сказал тот, что с оружием, и я почувствовал довольно сильный тычок в спину, дулом ведь тыкает, гад, подумал я.

Лагерь, как я и предполагал, оказался совсем не таким приветливым, как вчера, а оказался он таким, как его Виталик описывал – колючая проволока, вышки с охранниками, лай собачек и запах чего-то протухшего. Меня остановили около ворот, старший, который отделенный командир Симонов, поговорил вполголоса с дежурным на входе, ворота со страшным скрипом отворились, и я оказался внутри.

– В БУР его сразу веди, там у нас дознаватель сидит, – услышал я обрывок разговора.

Что такое БУР, я тут же вспомнил – это Барак Усиленного Режима, а по-простому карцер. Он был сложен из кирпичей в отличие от всех остальных строений в лагере. Что-то никто нам по дороге в этот барак не встретился, я ещё подумал, что наверно все на работу ушли.

– Стоять, – громко скомандовал мне старший, – лицом к

стене, руки за спину. Борисов присмотри за ним.

А сам он скрылся внутри здания... вернулся он не один, а с целым офицером... хотя стой, офицеров же пока нет, они только в середине войны появятся, сейчас же сплошные красные командиры. А за «офицера» можно запросто статью какую-нибудь поиметь, так что будь осторожнее, Веничка.

Так вот, это самый командир с тремя квадратами в петлице (сколько я ни силился, вспомнить, что это за звание, так и не смог, пусть будет лейтенантом что ли) хмуро оглядел меня с головы до ног и спросил:

– Этот что ли? А что это за надпись у него на рубашке?

А я и забыл, что у меня там какая-то надпись есть...глянул – и точно, Адидас там было написано.

– Это название компании, которая делает такие рубашки, – ответил я. – Адидас называется.

– И где же у нас такая компания в Советской России притаилась? – продолжил допрос лейтенант.

– А она не в Советской России расположена, – отвечал я, – а в Германии. Её основателя зовут Ади Дасслер, сокращённо, значит, Адидас выходит.

– Тут другое выходит, – сокрушённо покрутил головой лейтенант, – выходит, что ты ко всему прочему ещё и немецкий шпион.

Я промолчал, потому что как комментировать этот бред, не придумал.

– Ну лады, пошли поговорим, – вздохнул он и открыл

дверь в барак, – а вы берите телегу и езжайте за Пасечником, – это он Симонову с Борисовым сказал.

Он завёл меня в тесное помещение со столом и двумя стульями по разные стороны стола, сказал мне сесть и предложил папиросу.

– Спасибо, товарищ... командир, – отказался я, – но не курю я, бросил еще несколько лет как.

– А я пока не бросил, – отвечал он, доставая из ящика стола чистый лист бумаги, – поехали. Фамилия-имя-отчество, дата и место рождения, где живёшь, где работаешь?

Я уже смекнул, пока меня вели в лагерь, что сообщать о себе действительные сведения выйдет себе дороже, поэтому начал врать как сивый мерин, надеясь, что кривая куда-нибудь да вывезет.

– Вениамин Павлович Сокольников, – начал я с чистой правды, но начальник сразу меня перебил.

– У нас в первом бараке есть один Сокольников – не родственник он тебе?

– Вряд ли, – не стал я углубляться в скользкую тему, – у меня одна мать из родственников осталась, братьев-сестёр нет. – И я продолжил по программе, – родился 12 апреля 1920 года в селе Дальнее Борисово Горьковской области, живу в городе Горьком на Школьной улице, дом 12, квартира 3 (хотел было назвать Кирова или Челюскинцев, но не решился – хрен его знает, переименовали уже улицы в их честь или ещё нет). Учусь в автомеханическом техникуме при ГАЗе,

ещё год осталось учиться.

– Не части, – сказал он, записывая мои ответы. – Ладно, это всё мы проверим, не наврал ли ты тут чего. А что ты делал в режимной зоне? – строго сдвинув брови, продолжил допрос он.

– Рыбу ловил, товарищ командир, – со светлой улыбкой ответил я, – есть-то хочется.

– Там нельзя ловить рыбу, – так же сурово продолжил лейтенант.

– Ну я же не знал этого...

– Незнание не освобождает от ответственности... а что ты вообще тут делаешь, в Варнакове, если живёшь и работаешь в Горьком?

– Так подрядились мы с товарищами починить общежитие в Лядах, вот вчера и начали...

– В Лядах? – удивился лейтенант. – Нет там никаких общежитий.

– Ну как же нет, если мы вчера туда все свои вещи бросили, – взволновался я, фронт работ определили и ночь переночевали в нём.

– Где оно там находится, покажи, – и он сунул мне под нос карту-пятидесятку, никогда раньше я не видел таких подробных карт.

– Вот здесь примерно, – я ткнул пальцем в место между магазином и выездом в Макарьево. – Утром по крайней мере стояло здесь.

– Пошли посмотрим, – встал он из-за стола.

Я тоже встал и мы вышли на свет божий. Лейтенант сказал мне стоять у ворот и ждать, а сам ушёл куда-то вбок, видимо отдать распоряжения. Потом вернулся, расстегнул кобуру и сказал мне:

– Идёшь строго, куда я скажу, шаг в сторону буду рассматривать как попытку к бегству, оружие применю без предупреждения. Пошёл.

И мы гуськом вышли из ворот лагеря.

– Идёшь впереди меня на два метра по этому вот просёлку, никуда не сворачиваешь. Понятно?

Я кивнул, чего уж тут непонятного. Так мы и дошли до Лядов, никого не встретив – я попытался было разговорить этого нквд-шника, но безуспешно, не отвечал он ни на мои вопросы, ни на отвлечённые предложения. А в конце концов предложил мне просто заткнуться. Я в принципе всё уже понял на дальних подступах к Лядам – не было там никакой общаги на том месте, где я её утром оставил. Так что теперь надо тебе как-то изворачиваться, Веничка...

– Вон магазин, вот выезд в сторону Макарьево, – тем временем сообщил мне лейтенант, – показывай, где тут твоё общежитие притаилось.

– Да вот тут же, товарищ командир, – я широким жестом указал на поляну, где должна была стоять наша общага, – но я что-то ничего не понимаю, нет его...

Попытка побега

Одновременно я широким скользящим шагом сместился за спину лейтенанта и попытался произвести заднюю подсечку, но лейтенант был совсем не таким дураком, каким я его представил, поэтому он резко подпрыгнул и ушёл от подсечки, одновременно вытащив из кобуры револьвер. Я по инерции попытался повторить подсечку, но получил в ответ выстрел в район ног... мимо, конечно, но ситуацию я понял.

– Всё, начальник, – сказал я, высоко подняв руки к небу, – это была моя ошибка, больше не буду.

– Значит, ещё одну статью ты только что заработал, – весело отвечал мне начальник, – сопротивление представителю власти, сопряженное с насилием над личностью, статья 73 УК РСФСР, от года и выше.

– А может, договоримся, начальник? – сделал хилую попытку я, – свидетелей-то нету ни одного, кто подтвердит?

– Ну, может и договоримся, хотя не вижу, что ты можешь мне предложить взамен...

Лейтенант изучающее посмотрел на меня несколько секунд, а потом скомандовал разворот и движение в сторону лагеря в прежнем порядке – шаг в сторону считается за побег, а оружие он применяет без предупреждений. Я взял руки за спину, и таким вот образом мы снова добрались до дознавательской камеры.

– А теперь, друг ситный, рассказывай всю правду, – заду-

шевно сказал он, закуривая очередную папиросину, – до сих пор я от тебя одно враньё слышал. Подробно давай, если не хочешь высшую меру получить.

Я прикинул кое-чего к носу и решил всю-всю правду таки не выкладывать, только ещё хуже себе сделаю, так что ограничимся полуправдой... или четверть... как уж пойдёт.

– Слушай меня сюда, лейтенант, – сделал я страшные глаза, – на самом деле я никакой не студент, а сотрудник второго управления НКВД, третье отделение, борьба с контрреволюционерами украинской, белорусской и угро-финской национальности, а звание у меня младший лейтенант госбезопасности.

– Да ты что? – сделал вопросительное лицо дознаватель. – И кто же у вас там за главного сейчас?

Проверяет, сука, в сердцах подумал я, они ж там, как обезьяны в джунглях сейчас меняются, не уследишь...

– Кобулов Богдан Захарович, – ляпнул я наконец и понял, что попал... тогда решил добавить убедительности, – но ходят слухи, что он вот-вот на повышение пойдёт, а за него будет его первый зам Серов.

– А до Кобулова кто там рулил? – уточнил начальник.

– До него Литвин, а до Литвина Агранов, а до Агранова Курский, времена сейчас сами знаете какие.

– Ладно, убедил, – вяло отреагировал тот, прикуривая новую папиросу от старой. – А теперь расскажи, друг ситный, что второму управлению НКВД понадобилось в нашем захо-

лустье? У нас ведь с украинцами и белорусами дела обстоят не очень... не сказать, чтоб никак – может с десяток во всем лагере найдётся.

– Зато угро-финнов у вас тут навалом, – угрюмо продолжил я, – каждый второй поди...

– И что там с контрреволюцией среди этих ваших угро... финнов?

– А вот это, товарищ лейтенант, – сказал я напрямик и не увидел требований заменить товарища на гражданина, – уже совсекретные сведения, сообщать которые лицам без соответствующего допуска я не имею права.

Лейтенант нервно побарабанил пальцами по столу, потом полез за новой папироской, не нашёл её в коробке, выбросил смятую коробку в урну и родил наконец финальную фразу:

– Ну если соврал, смотри! Живым отсюда не выйдешь... а пока посидишь в одиночке, – и он подошёл к двери и громко крикнул, – Баранов!

На крик явился угрюмый сержант госбезопасности с неприятным взглядом и сросшимися бровями, серийный маньяк просто какой-то.

– Баранов, определишь этого фрукта в седьмую камеру. Никого не подселать, кормить по второму графику. Если у него возникнут вопросы, записывай, мне потом передашь.

Я встал, убрал руки назад и двинулся по коридору БУРа направо, куда показал мне дулом винтовки Баранов. Двери в камеры были тут с обеих сторон, не деревянные, стальные,

выкрашенные свинцово-серой краской. Хер их выбьешь, даже если сильно захочешь. Лейтенант сопровождал меня до рожку такими тёплыми словами:

– Сейчас составлю запрос в Москву, почта у нас тут работает не очень быстро, так что ответ придёт через неделю, тогда и продолжим разговор. А пока отдохни в камере, мы тут советуемся, что с тобой в эту неделю делать.

И угрюмый сержант Баранов быстро и ловко определил меня в камеру этого самого Барака Усиленного Режима. Три на три метра, в углу двухэтажные нары, сортир и умывальник отсутствуют как класс кулаков. Спросил у сержанта, как же быть, если по маленькому захочется – тут в ответ буркнул, что вывод до ветра три раза в сутки, после приёма пищи. Очень здорово...

—

Хорошо, что сейчас не зима, думал я, прогуливаясь по диагонали своего узилища, так больше шагов получалось, чем если б параллельно стенам. Всё время сидеть или лежать на нарах оказалось неважноту уже к концу первого дня. Кормили тут какой-то баландой, смотреть даже на которую было тошно, но я заставлял себя проглатывать всё до конца, калории, они совсем не лишние будут.

А ещё я напряжённo думал над тем, что делать, когда из Москвы придут сведения о том, что я всё наврал. Один день из семи уже прошёл, так что давай, голова, соображай быст-

рее, а то засыпемся... Но, к сожалению, ничего, кроме побега, в голову мне не приходило, а как отсюда убежишь, из этого БУРа? Лагерь между тем жил своей жизнью, к которой я нет-нет, да и прислушивался поневоле. Ничего особенно интересно я не услышал, но то, что мою фамилию пару раз громко упоминали с добавкой «зэка», меня заинтересовало. Ведь это вполне мог оказаться тот самый дедов брат, оттянувший здесь срок примерно в эти годы.

Через сутки моего заточения сержант Баранов скомандовал мне «на выход без вещей», на что я сказал, что все мои вещи на мне, так что... А он грубо сказал мне заткнуться, взять руки за спину и следовать по коридору до конца. А в конце коридора меня ждал всё тот же лейтенант... а кстати, как его зовут-то, я так и не выяснил, не представился он. Ладно, пусть будет просто летёхой.

– Вот что мы надумали, Сокольников, – сразу же взял крутой оборот он, – ты же вроде сказал, что в автомеханическом техникуме учишься?

– Так точно, товарищ лейтенант, – вырвалось у меня.

– Так вот, чем в камере прохлаждаться и харчи наши напрасно переводить, мы приставим тебя пока к нашему заму по хозчасти. У него в сарае валяется несколько сломанных механизмов, если хотя бы один починишь, уже кормёжку считай отработал.

– Я не против, приставляйте, – скромно ответил я, и сержант Баранов, повинувшись кивку головы летёхи, развернул ме-

ня к выходу.

– Прямо пошёл, никуда не оглядываясь, – грубо сказал он мне в спину, сопроводив свои слова чувствительным тычком кулака.

Грубый же ты какой, подумал я, но озвучивать свои мысли пока не стал. Баранов провёл меня между двух длинных барачных с порядковыми номерами 3 и 4 и вывел к почти точно такому же строению из неотёсанных досок-двухдюймовок, но без номера и таблички.

– Свешников, выходи, дело есть, – крикнул Баранов в приоткрытое окошко с решёткой.

Через пару секунд на пороге появился очередной лагерьный обитатель, видимо тот самый Свешников, он прищурился на ярком свете после полутёмного помещения, потом приложил руку козырьком ко лбу, оглядел меня с ног до головы и спросил:

– Это оно что ли, дело твоё? – и он ткнул в меня пальцем.

– Оно, – согласился Баранов, – подследственный Сокольников, поступает в твоё распоряжение на ближайшую неделю. Документы в конце дня выдадим.

– Ну пошли, Сокольников, – сказал мне Свешников, не обращая больше внимания на сержанта, – расскажешь для начала, откуда ты такой взялся на мою голову.

Мастерская

Внутри этот барак оказался захламлён сверх всякой меры, в основном ржавыми листами чего-то железного. Свешников посадил меня за стол в углу, тоже заваленный разными деталями, сам сел напротив и выжидательно замолчал. Я не стал томить его паузами и приготовился вываливать свою легенду без запинки, без упоминания о втором отделении НКВД, конечно:

– Студент я, автомеханический техникум в городе Горьком, третий курс.

– Специализация? – сразу прервал он меня.

– Двигатели внутреннего сгорания, – Свешников удовлетворённо кивнул мне и я продолжил, – здесь случайно оказался, вчера приехал ремонтировать коровник в Макарьёво, а утром пошёл рыбу ловить в Ветлуге, а оказалось, что тут режимная зона. Вот товарищ лейтенант и загрёб меня до выяснения.

– Про товарища лейтенанта мне неинтересно, – сразу отнёс эту часть моей биографии мастер, – это ты с ним разберёшься, а вот про автомеханический техникум давай продолжим. Изучить-то успел чего-нибудь по теме? Оценки какие получал?

– Двоек не было, – ответил я, – а изучать конечно всё по программе изучал, от двухтактных и до дизелей. Практика на ГАЗе два раза уже была, собирали-разбирали-налаживали

много раз.

– Ладно, испытательное задание тебе тогда такое будет, – он поднялся со своего места и перешёл в дальний конец барака к длинному верстаку, – вот что мне вчера притащили эки из четвёртого барака – знаешь, что это такое?

И он взял в руки бензопилу «Дружба»... ё-моё, подумал я, откуда здесь взялся агрегат, сделанный на 40 лет позже? И тут до меня дошло, что эту штуку прихватил с собой Андрей, когда мы собирались сюда ехать... ну а потом, видимо, при переносе в прошлое перенесло не только меня, но и кое-что другое. Собрался с мыслями и выдал:

– Знаю, конечно, это бензопила, применяется для валки деревьев, для ручной распиловки брёвен, досок и других деревянных предметов.

– А тактико-технические характеристики у неё какие? – продолжил допытываться Свешников.

– Двигатель одноцилиндровый двухтактный, карбюраторный, мощность 6 лошадиных сил, бензин жрёт марки А-76 и выше. Бензин вон в ту горловину заливается, чуть больше двух литров, хватает на час непрерывной работы. Цепь автоматически смазывается моторным маслом, которое надо заливать вот в эту воронку, так что ресурс цепи очень большой, сколько именно часов, не помню, но много.

– И откуда ж ты всё это знаешь? – немедленно поинтересовался Свешников. – Как я знаю, в нашей стране такие агрегаты пока не выпускаются.

– Так это моя пила, её нашему техникуму немецкие специалисты подарили, ну которые наладчиками на ГАЗе работали, у них там в Германии такие вещи уже давно делают. Ну а мы, студенты техникума, которые любознательнее, изучили устройство от начала и до конца, – вдохновенно соврал я, авось прокатит. И сюда я её с собой взял на всякий случай, и посеял где-то, ну а ваши люди наверно нашли.

– Запускай, – и он сунул мне в руки бензопилу, – сейчас посмотрим, как ты её изучил.

– Бензин там есть? – вслух начал размышлять я, а потом потряс устройство, вроде что-то бультыхалось на дне. – Надо какое-то бревно или доску, чтобы продемонстрировать работу, а то чего зря горючку жечь.

– Пойдём, – согласился Свешников, – тут недалеко вязанка брёвен лежит.

И мы вышли из мастерской и прогулялись по территории лагеря направо, почти до самой колючки. Часовой на вышке посмотрел на нас недовольным взглядом, Свешников счёл нужным предупредить его:

– Потапыч, мы сейчас тут эксперимент будем проводить, всё согласовано с руководством – так ты уж не стреляй горяча, – сказал он в сторону вышки, а потом добавил мне, – вот они, брёвна, выбирай любое.

Потапыч сплюнул в нашу сторону и отвернулся. Я поставил пилу на землю, нашёл пусковой тросик и рванул его на себя. Завелось, естественно, не сразу, на третий только раз

мотор заревел и задымил. Ну и тут я, не долго думая, взял и перепилил конец бревна, который выпирал из кучи. Получилось быстро, ровно и гладко. Заглушил мотор и спросил:

– Нормально для демонстрации работы или ещё чего-нибудь перепилить?

На рёв мотора подтянулись зрители – основная масса зэков, конечно, где-то за территорией лагеря сейчас была, а это, видимо, лагерные придурки были, захватившие тёплые местечки типа хлеборезки или нормировщика. Один из них, весь седой уже старичок спросил у меня:

– Это что же такое сейчас было, молодой человек?

Я ответил, что это была демонстрация работы ручной автоматической лесопилки, а тут и невменяемый сержант Баранов набежал, и глаза у него были, как у того барана, который глядит на новые ворота.

– Это что за безобразия? – завопил он ещё издали.

– Всё, начальник, – ответил за всех Свешников, – безобразие прекращаем и удаляемся в свою мастерскую.

А сам взял меня за локоть и направил в сторону барака. Сержант Баранов немного смягчил тон:

– Чтоб в последний раз, потом переведу на штрафную пайку!

А мы со Свешниковым тем временем скрылись за скрипучей входной дверью.

– Значит ты студент третьего курса и зовут тебя Веня, –

сказал он, разглядывая меня, – и с двигателями внутреннего сгорания ты неплохо умеешь обращаться. Меня, кстати, Иван Семёнычем зовут, можешь просто дядей Ваней. А что насчёт электродвигателей скажешь?

– Не так подробно, как ДВСы, но тоже изучали, – ответил я, – и постоянного, и переменного тока, синхронные и асинхронные, даже шаговый двигатель как-то раз разбирали-собирали.

– Вон на верстаке лежит один такой, нерабочий – сможешь определить тип и что в нём не так? – хитро прищурясь, ткнул он пальцем в тёмный угол барака.

Я подошёл к верстаку, на нём лежал самый обычный трёхфазный синхронный двигатель, я такие сотнями видел. Сказал об этом Свешникову, а потом добавил, что неисправности тут самые разные могут быть, но на практике чаще всего встречается физический износ щёток, включить, дескать, надо, тогда точнее можно будет сказать.

– Ну включай, вон на стенке розетка на три фазы, – махнул рукой Свешников.

Я воткнул вилку от мотора в розетку, ничего не произошло.

– Рубильник ещё надо врубить, – сказал мастер, поднимая вверх чёрную рукоятку на другой стене.

Мотор глухо зажужжал и завонял чем-то жжёным.

– Всё ясно, – дал я отмашку, – выключайте – щётки надо подточить. А ещё лучше сразу заменить, для надёжности.

– Запасных щёток у нас нет, – ответил Свешников, – так что бери инструменты и точи.

—

Вечером меня опять заперли в ту же опостылевшую камеру, но сержант Баранов уже в спину меня не пихал и обращался более уважительно. А я продолжил размышления на тему, что делать и как быть после того, как придёт ответ из Москвы. Итогом моих раздумий был только план побега... а что тут ещё придумаешь а самом-то деле? Завтра буду изучать территорию лагеря и периметр на предмет выявления слабых мест и возможных путей эвакуации...

Но завтра утром вместо того, чтобы вести в мастерскую, меня опять вызвал на беседу лейтенант. На этот раз он таки представился и я узнал, что зовут его Штольц Илья Арнольдович. Ничего себе, как героя из «Обломова», из немцев что ли он?

– Значит так, Вениамин Павлович, – начал он задушевную беседу, – по поводу автомеханического техникума ты, похоже, не соврал, с техникой обращаться ты умеешь. Теперь давай в подробностях про эту пилу, откуда взялась, кто её тебе разрешил с собой брать и всё остальное.

– Я же рассказал уже Свешникову, – отвечал я, – её нам подарили немецкие мастера, когда оборудование в колёсном цехе налаживали. Где её сделали, не знаю, но подозреваю, что в Германии. С собой эту пилу мне разрешил взять замдиректора техникума по хозчасти Белов Андрей Кузьмич.

Вкратце всё.

– Допустим, – отвечал мне Штольц, записывая то, что я сказал, на листок, – что ты правду говоришь. Тогда план действий у нас (мне понравилось это слово «нас», похоже, он меня больше подследственным-то не считает) будет такой. Сегодня под конвоем сержанта Баранова и ещё одного нашего сотрудника ты проследуешь на лесосеку и спилишь там как можно больше деревьев. Баранов проконтролирует время. А потом мы уже решим, что делать дальше.

Утром я впервые попал на общий развод лагеря, охрана подсчитывала и пересчитывала заключённых, всё время путаясь, то на одного меньше выходило, чем нужно, то на двоих больше. Когда наконец цифры сошлись (а то ведь, если они кого не досчитаются, так и вместо него лес валить могут пойти), меня определили в третью бригаду. Пилу мне не доверили, её покатали сзади на тачке два особо доверенных придурка, один наглее другого.

Кстати в этой бригаде, как я понял по переключке, числился и Сокольников, мой потенциальный родственник – посмотрел я на него, посмотрел, да и решил пока никаких контактов не завязывать, не понравился он мне, слишком суетливый и дёрганый. Идти до нашей лесосеки было не так, чтобы очень далеко, но и не два шага – с километр примерно в противоположную сторону от Макарьева и Лядов. Соседи по колонне косились на меня явно недоброжелательно, но тоже

говорить видимо опасались, мало ли кем я тут окажусь. Так что разговоров вообще не было.

– Сокольников, – обратился ко мне старший конвоя, хорошо, что без приставок типа «подследственный» или «заключенный». – Вот твой участок.

И он махнул рукой налево на делянку из вековых сосен, каждая по полсотни метров высотой и полметра в диаметре.

– Остальные направо, продолжаем вчерашний урок, – и он завернул прочих эков в количестве 12 штук направо.

– Товарищ... эээ... гражданин начальник, – успел сказать свою ремарку я, – мне бы ещё одного в помощь надо, а лучше двоих. Надо упираться в ствол, чтобы пилу не заело – один я никак не справлюсь.

– Сокольников и Ковбасюк, налево, – тут же принял решение старший.

Вот люблю я деловых людей, которые быстро принимают решения. Ну, не подведи теперь, родная и до боли знакомая Дружба...

—

До обеда я сумел спилить 18 (в скобочках восемнадцать прописью) вековых сосен – первые две пошли тяжело, но потом приноровился, вспомнил предыдущий опыт, а двое подсобных товарищей тоже наловчились помогать мне, так оно и потекло, как по накатанной дорожке под горку. Ещё и сучья все опилил, и стволы на части разделил, справившись предварительно у старшего о необходимой длине хлыстов. А

потом бензин в баке закончился. Старший сосредоточенно записал мою выработку в записную книжечку и сказал, чтоб я перекурил у костра.

– Две дневные нормы всей бригады выполнил, – сказал он, ни к кому не обращаясь, просто в воздух. – Этак мы досрочно годовой план сможем сделать...

Пилу у меня отобрали, и я вместе со своими подручными, вторым оказался украинский националист со стажем, отошёл к костру, где уже готовился обед для всей бригады. Тут и пришла пора поговорить мне со своим родственничком.

– Откуда ж ты такой на нашу голову взялся? – спросил он у меня, когда мы уселись на охапку хвойных веток.

– Сам не знаю, Фома Кузьмич (так его, оказывается, звали), – осторожно ответил я, – провал в памяти какой-то... что учусь в техникуме в Горьком, помню, а как и зачем сюда попал, как отрезало. Вот и задержали меня до выяснения. А вы сами-то за что здесь, если не секрет?

– Не секрет, – степенно ответил Фома, – статья 58-10, пропаганда и агитация.

– И сколько сейчас дают за агитацию?

– Сколько и всем, червонец, – со вздохом отвечал тот. – Тебе тоже на всю катушку влупят, не сомневайся.

– Спасибо тебе на добром слове, – огрызнулся я, – но я всё-таки лучше посомневаюсь.

Тут вступил в разговор украинский Ковбасюк, говорил он на суржике, ясное дело, но я уж эту особенность его речи

передавать не буду.

– Тут всем по червонцу дают, паря, – врезал он мне правду-матку со всего плеча, – а потом ещё и сверху добавляют.

Я спорить с ними не стал, а вместо этого завёл разговор о лагерном начальстве.

– Начальником лагеря тут зверь, а не человек, у него и фамилия подходящая, Медведь – кого хочешь заломает, и глазом не моргнёт.

Ну и слава богу, что мне с ним пока встретиться не довелось, подумал я, а вслух спросил:

– А ещё кто тут в начальниках ходит?

– Из командиров только дознаватель Штольц да еще кум Тыква есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.